АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/904 ББК 63.4 DOI 10.25986/IRI.2020.89.69.005

Н. А. Макаров

Институт археологии РАН, Москва, Россия. ia.ras@mail.ru

И. Е. Зайцева

Институт археологии РАН, Москва, Россия. izaytseva@yandex.ru

КРЕСТЫ НА СЕЛИЩАХ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХРИСТИАНСТВА В СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ В XI–XV В.¹

В статье систематизированы находки предметов личного благочестия – кресты-тельники, кресты-энколпионы, подвески-образки из Суздальского Ополя. Большинство экземпляров – находки последних 20 лет, полученные в результате работ Института археологии РАН. Находки древнерусского времени происходят из Суздаля и 58 из сельских поселений округа (19 % от всех выявленных памятников этого времени). Общее распределение наиболее ранних находок (середины – второй половины XI в.) определенно указывает на большие поселения как на важные центры первоначального распространения христианских предметов. Наибольшее число находок относится к периоду второй половины XII – первой половине XIII вв. Во второй половине XIII – XIV в. наблюдается радикальное сокращение количества христианской металлопластики в центре Суздальской земли. Анализ распределения находок по площади памятников позволяет утверждать, что владельцы различных категорий предметов личного благочестия не были обособленными социальными группами.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, Суздальская земля, христианские древности, селища, кресты-подвески, энколпионы

Распространение христианской металлопластики на Руси в домонгольское время – яркое явление, значение которого для понимания идентичности и религиозной практики древнерусского общества в полной мере не раскрыто, несмотря на острый исследовательский интерес к этой группе древностей. Металлические кресты-подвески X–XIII в., носившиеся на груди, принадлежат к числу тех категорий археологических предметов, функции и назначение которых как будто бы очевидны для исследователей исходя из общих знаний о христианских традициях России и современного обычая ношения крестов-тельников как знаков крещения и воцерковленности. Однако взгляд на эти предметы, как и на другие объекты личного благочестия, через призму христианского наследия Нового времени может оставить вне поля зрения важные их черты и особенности бытования, специфичные для своей эпохи.

Современные исследователи солидарны в том, что производство и использование предметов личного благочестия отражает в широком смысле процесс христианизации Руси. Общность типов крестов, энколпионов и подвесок-образков XI–XIII в., распространенных

¹ Статья подготовлена по гранту РФФИ № 17-29-04129.

в различных древнерусских землях, рассматривается, с одной стороны, как свидетельство их общей связи с византийской христианской традицией, с другой – как проявление культурного единства Руси. Установлено существенное увеличение присутствия христианской металлопластики в обиходе древнерусского общества в XII в. по сравнению с более ранним временем. Предметом пристального внимания остаются находки крестов в погребениях второй половины X – начала XI в., в том числе в камерных могилах, вопросы социальной атрибуции древнейших погребальных комплексов, содержащих кресты-подвески.

На основе изучения контекста находок крестов и образков на поселениях и могильниках северных окраин Руси XI – первой половины XIII в. (Белое и Кубенское озера) одним из авторов настоящей публикации было высказано мнение о том, что широкое использование христианской металлопластики характеризует особое состояние древнерусского общества при переходе к христианству, когда приобщение к новой религии требовало внешнего выражения, особых материальных знаков [Макаров, 2009]. Однако обширный круг вопросов, связанных с присутствием в обиходе жителей средневековой Руси этой группы предметов и их социокультурным контекстом, остается не проясненным. Среди них – общие масштабы бытования христианской металлопластики, пространственные закономерности ее распространения, возможная связь ее с отдельными социальными группами, городской и сельской средой, отражение в этих материалах особенностей религиозного сознания общества домонгольского времени.

Обширная коллекция средневековых предметов христианского культа, собранная на памятниках центра Суздальской земли, насчитывает 311 экз. (Рис. 1, 2). Сегодня это одно из крупнейших региональных собраний христианских древностей средневековой Руси. Оно открывает новые возможности для изучения распространения христианской металлопластики в XI–XV в. и специфики ее бытования в древнерусском обществе.

Средневековые кресты-тельники, металлические иконки и энколпионы составляют стремительно растущую группу археологических материалов. Этот рост – следствие, прежде всего, совершенствования технических средств, используемых для сбора археологических предметов, широкого применения металлодетекторов как археологами, так и копателями-нелегалами. Обращение к новейшим академическим публикациям и грабительским сайтам показывает, что находки металлических предметов христианского культа, предназначенных для личного обихода, на древнерусских памятниках значительно более многочисленны, чем это представлялось исследователям в 1980–2000-х годах. Увеличение числа находок хорошо заметно по материалам Новгорода, несмотря на отсутствие общих подсчетов христианской пластики из раскопок четырех последних десятилетий. Коллекция христианской металлопластики XI–XIV в., собранная за последние 10 лет экспедицией Института археологии РАН в Новгороде на участках охранных раскопок на площади около 2 га, составляет 414 экз. На одном только Десятинном раскопе обнаружено 102 предмета личного благочестия XI–XV в. [Олейников]. В культурных отложениях XI – начала XII в. на Троицких XIII и XIV раскопах найдено 30 крестов и крестовидных подвесок [Покровская, Степанов, Сингх, с. 467]. Между тем, в итоговом исследовании М. В. Седовой, посвященном изделиям из цветного металла, найденным в Новгороде в 1932–1970-х годах, были приведены данные о 56 крестах и 11 энколпионах конца X – XV в. [Седова, 1981, с. 49–61], а общий фонд предметов личного благочестия, послуживший основой для реконструкции христианизации Новгородской земли в X–XIII в. в начале 2000-х годов, составлял лишь 132 единицы [Мусин].

Коллекция христианской культовой пластики, происходящей с археологических памятников центра Суздальской земли, включает 222 креста-тельника, 51 целый энколпион и фрагмент, 29 подвесок-образков, 6 амулетов-змеевиков и 1 подвеску с крестом. В составе

коллекции 28 крестов из камня, глины, кости и янтаря и 1 каменная иконка, остальная ее часть – предметы из металла. Учтены находки, происходящие с суздальских селищ и могильников и с территории самого города Суздаля, материалы из раскопок советского времени, уже введенные в научный оборот [Седова, 1997; Кокорина], и находки, полученные в результате охранных раскопок в последние десятилетия. По материалам дневников А. С. Уварова учтены сведения о находках крестов в курганных могильниках, исследованных в 1851–1852 г.²

Основная часть собрания – свыше 80 % – материалы, полученные в 2001–2018 г. Суздальской экспедицией ИА РАН и ГИМ при изучении селищ Суздальского Ополья, главным образом, в результате сбора подъемного материала на распаханной поверхности средневековых поселений с использованием металлодетекторов. Ценность этой коллекции в том, что она получена при систематическом обследовании большой серии однотипных памятников по одной методике с точной фиксацией координат находок. Очевидно, что наши предметы составляют меньшую часть христианской пластики, некогда находившейся в пахотном слое, – значительная часть крестов и энколпионов ранее была извлечена грабителями. Можно полагать, что среди утраченных – наиболее крупные целые предметы, например, большие энколпионы, которые дают сильный сигнал при использовании металлодетектора и потому оказываются легкой добычей при нелегальном поиске.

Металлические кресты и энколпионы, собранные на селищах в 2001–2018 г., по своей численности близки тем категориям украшений, которые наиболее широко использовались в костюме. Кресты более многочисленны, чем фибулы, поясные пряжки, бубенчики и пуговицы, но уступают браслетам и перстням.

Находки христианских предметов и украшений X–XIV в. на селищах Суздальского Ополья, 2001–2018 г.

Категория	Количество
Кресты-подвески	136
Энколпионы	45
Образки	27
Фибулы	21
Пряжки поясные	122
Бубенчики	131
Пуговицы	131
Браслеты	145
Перстни	182

В коллекции присутствуют отдельные предметы, изготовленные с использованием драгоценных металлов (каменный с золотыми наконечниками крест с селища Григорево 3) или сложных технических приемов: бронзовый позолоченный квадрифолий с эмалями с селища Семеновское 2 [Макаров, Зайцева, 2019], медальон с эмалью из Суздаля [Седова, 1997, с. 68–69, рис. 13: 5], каменная иконка с селища Кистыш 3, вероятно, принадлежавшие представителям социальной элиты. Основная же часть собрания – артефакты стандартных типов, производившиеся из недорогих материалов, некоторые – крупными сериями (Рис. 3, 4). Большинство этих предметов относится к типам, имевшим широкое географическое бытование на Руси. Вместе с тем в коллекции представлены также предметы, изготовленные из недорогих материалов с использованием относительно сложных технических приемов с высоким качеством исполнения (например, гладкие черневые энколпионы с Распятием и Богоматерью

² В коллекции, хранящейся в ГИМ, точно идентифицированы лишь 2 креста из этих раскопок.

Орантой (Рис. 4: 1, 2), принадлежность которых к предметам «элитного» или массового обихода не может быть однозначно определена [Макаров, Зайцева, Грешников].

Находки из Суздаля (64 экз.) составляют около 20 % всей коллекции. За время, прошедшее после завершения работ М. В. Седовой, общее количество находок христианской пластики в городе увеличилось более чем в полтора раза, главным образом, в результате спасательных раскопок, производившихся в Окольном городе и на окраинах, за пределами городских укреплений XII–XIII в. Из раскопок в городе происходят кресты, образки и энколпионы. Все типы вещей имеют аналогии на селищах. Соотношение энколпионов и остальных категорий предметов, изготовленных из металла, близкое: в Суздале доля энколпионов составляет 15 %, на селищах – 21 %. Различие заключается в том, что в коллекции из раскопок в городе значительно выше доля крестов из камня, глины, кости и янтаря. Она составляет 35 % от общего количества крестов, тогда как на селищах – лишь около 6 %. Очевидно, что различие объясняется спецификой сбора находок: в Суздале кресты происходят из раскопок, на селищах – из сборов с использованием металлодетектора.

В дневниках А. С. Уварова содержатся сведения о 14 погребениях с крестами, исследованных в 1851–1852 г. в 5 курганных могильниках на территории Суздальского Ополя ([Уваров, с. 107]; ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 17. Оп. 1. Д. 209). Раскопками второй половины XX – начала XXI в. в Суздале и суздальской округе исследовано не менее 250 погребений домонгольского времени, ни одно из них не сопровождалось крестом-тельником. Два креста-тельника XI–XII в., пополнившие коллекцию в последнее десятилетие, подняты на площадках могильников, затронутых раскопками 1851–1852 г., очевидно, они происходят из разрушенных погребений. Таким образом, 94 % находок христианских предметов связано с культурным слоем поселений. Материалы Суздальского Ополя подтверждают сделанные ранее наблюдения о том, что кресты-тельники и металлические подвески-образки, находившиеся в обиходе жителей средневековых городов и сельских поселений, редко попадали в погребения и включались в погребальный костюм [Макаров, 2009, с. 112–115].

Кресты, энколпионы и подвески-иконки происходят с 59 поселений Суздальского Ополя, в том числе с двух городищ и 56 селищ (Рис. 1, 2). Это примерно 19 % от всех селищ, на которых выявлен культурный слой XI – первой половины XIII в. Однако для понимания реальной частоты встречаемости христианской пластики на селищах более показательны данные о присутствии ее на памятниках, на которых собраны представительные коллекции средневековых артефактов. Среди селищ с вещевыми коллекциями, насчитывающими от 50 до 100 единиц, доля поселений с находками христианских предметов составляет 50 % (11 из 22), среди селищ с находками более 100 артефактов – 78 % (25 из 33). На 31 поселении количество находок ограничено одной-двумя; на 10 найдено от 6 до 20 предметов христианского культа; наиболее многочисленная серия, насчитывающая 27 крестов и энколпионов, происходит с селища Суворотское 8 вблизи Владимира.

Пространственное распределение находок широкое: от Клязьмы и устья Нерли на юго-востоке (Сунгирь) до междуречья Селекши и Гзы на северо-западном пограничье Ополя. Наибольшая их концентрация в южной части Ополя и в районе Суздаля объясняется тем, что эти участки были наиболее подробно обследованы. Находки представлены на поселениях разного размера и разного статуса: на больших поселениях, составлявших основной каркас расселения в X–XI в., на крупных поселениях, возникших в XII в. на малых реках и водоразделах, и на небольших по площади селищах XII–XIII в., сформировавшихся в глубине овражных систем. Большинство памятников, выделяющихся многочисленностью находок, – поселения, мало затронутые грабительскими раскопками, сохранившие в своем культурном слое предметы из цветного металла различных категорий.

Не углубляясь в вопросы типологии христианской пластики, отметим, что значительная ее часть не несет иконографических изображений. Среди крестов-тельников предметы с подобными изображениями составляют лишь 3 % (5 – с изображением Распятия, 2 – с погрудным изображением святого в средокрестии). У крестов нет дополнительных перекадин, символизирующих табличку с надписью и подножие Голгофского креста. Среди энколпионов целые реликварии и створки с изображениями Распятия, Оранты и святых составляют около 70 % (23 из 34). Преобладание в домонгольской металлопластике крестов без изображений, прямо обозначающих их связь с Крестом Распятия и новозаветной историей, ранее уже было замечено исследователями и интерпретировано как отражение особой ментальности и сдержанности художественного языка этого времени [Кокорина, с. 10].

Ветви значительной части металлических крестов (49%, 87 из 178 типологически определяемых предметов) оформлены в виде шариков или дисков, что соответствует тому виду лучезарного креста с золотыми яблоками, в котором его увидел Константин перед битвой с Максенцием и который в византийской традиции символизировал победу христианства и распространение его по четырем концам света [Крест; Смирнов]. Остается неизвестным, как воспринимались эти элементы крестов в древнерусской среде и насколько осознавалась в Суздальской земле их первоначальная символика, однако массовое распространение крестов подобной формы не может рассматриваться как случайность.

Лабораторный анализ 11 закрытых энколпионов из суздальских селищ и Суздаля, выполненный в НИЦ «Курчатовский институт», выявил в девяти из них остатки или следы вложений. Определены человеческий волос, смесь воска и ладана, волокна льняной, шелковой, хлопковой и конопляной тканей или нитей, остатки воскомастичной смеси, использовавшейся для консервации вложений и скрепления створок. Костные остатки во вложениях ни разу не встречены. Лабораторное исследование показало, что точное определение изначального характера реликвий, находившихся между створками энколпионов, не всегда возможно, однако само использование суздальских энколпионов как вместилищ священных вложений, в составе которых находились ткани и воскомастичная смесь, надежно установлено [Макаров и др.].

Основная масса суздальских крестов и энколпионов происходит из перемешанного культурного слоя, поэтому отдельные предметы не могут быть узко датированы исходя из контекста находок. Хронология различных типов древнерусских крестов, энколпионов и образков домонгольского времени детализирована лишь для отдельных, преимущественно наиболее ранних, типов. Большинство стандартных типов крестов по-прежнему могут быть датированы сегодня лишь в широких хронологических рамках. В этой ситуации для понимания общего хронологического распределения христианской металлопластики предметы из суздальской коллекции целесообразно разделить на три хронологические группы с достаточно широкими и частично перекрывающимися друг друга периодами бытования.

Первая включает предметы XI – первой половины XII в.: кресты с грубым изображением Распятия (Рис. 3: 1), кресты скандинавского типа (Рис. 3: 2–5, 9), различные варианты плоских крестов с кругами на концах (Рис. 3: 7, 8, 10), плоские кресты с прямым средокрестием с округлыми концами и растительным орнаментом на ветвях (Рис. 3: 6), равноконечные кресты с простыми прямыми концами (Рис. 3: 11), крест со стержневидными ветвями с валиками (Рис. 3: 12), равноконечный крест с расширяющимися концами с оформлением ветвей в виде рельефной рамки, гладкие черневые энколпионы с изображениями Распятия и Богоматери Оранты (Рис. 4: 1, 2). Бытование всех этих типов в XI в. документировано находками в стратифицированных культурных отложениях Новгорода [Седова, 1981, с. 49–50; Покровская, Степанов, Сингх] и Ростова [Леонтьев, с. 48–49] и в погребальных комплексах того времени, при этом большинство из них оставалось в обиходе в первой четверти XII в., а некоторые – до середины XII в.

В составе первой группы 54 предмета. Очевидно, к этому времени относятся и 11 крестов из раскопок А. С. Уварова, известных по описаниям погребальных комплексов, но не идентифицированных в коллекциях. Находки происходят с 23 селищ, из четырех могильников и из культурного слоя Суздаля. Христианская металлопластика присутствует на 10 больших поселениях и в четырех связанных с ними могильниках. Наиболее многочисленны находки с селищ Шекшово 2 (10 предметов) и Суворотское 8 (5 предметов). С большими поселениями связаны наиболее ранние находки, относящиеся к середине – второй половине XI в.: кресты с грубым изображением Распятия [Макаров, 2018], большие кресты скандинавского типа с фигурными ветвями, расширяющимися к концам, украшенным тремя полусферическими выступами, и некоторые виды малых крестиков скандинавского типа [Макаров, Зайцева, в печати].

Однако основная часть крестов, отнесенных к этой группе, по-видимому, должна быть датирована более поздним временем – последней четвертью XI – первой половиной XII в. Десять крестов и энколпионов найдены на поселениях, возникших не ранее рубежа XI–XII в. Это небольшие малодворные поселения в глубине овражных систем: Парша 3, Семеновское 3, Вишенки 3, Карельская Слободка 5. Из Суздаля происходят 5 христианских предметов этого периода. Ближе к концу XI в. появляются небольшие гладкие энколпионы с черневыми изображениями Распятия и Оранты [Макаров, Зайцева, 2017]. Общее распределение находок определенно указывает на большие поселения как на важные центры первоначального распространения христианских предметов.

Вторая группа объединяет кресты, энколпионы и образки, рамки бытования которых определены как XII – первая половина XIII в. Она включает металлопластику разнообразных типов, известных по находкам в датированных культурных отложениях и погребениях указанного периода, но не представленных в комплексах более раннего времени. Очевидно, большинство этих типов появилось в начале XII в. и какое-то время сосуществовало с крестами, вошедшими в обиход в предшествующий период. Среди наиболее распространенных стандартных типов – плоские крестики с эмалью с округлыми концами с боковыми выступами (Рис. 3: 13), различные варианты крестов с шаровидным завершением лопастей (Рис. 3: 15, 18, 20, 22), кресты со стержневидными ветвями с тремя шариками зерни на концах (Рис. 3: 21). Нельзя исключить, что отдельные типы крестов этой группы в течение непродолжительного времени оставались в обиходе и после середины XIII в., но документированные факты такого бытования единичны. К этой же группе относится большинство энколпионов разных типов (Рис. 4: 3–9) [Зайцева и др.; Коваленко и др.].

Вторая группа включает 215 предметов. Они происходят из 54 памятников: 50 селищ, разрушенного могильника, двух городищ и культурного слоя Суздаля (Рис. 2). Тридцать четыре предмета происходят из Суздаля, из раскопок в Кремле, на территории Окольного города и на участках за пределами городских валов. Селища с находками христианской пластики этого времени исключительно разнообразны по своему характеру: среди них крупные поселения, запустевшие в середине XIII – XIV в., села, наследовавшие большим поселениям X–XI в., селища на территории современных исторических сел. Однако основная часть памятников – поселения площадью от 0,7 до 5 га на овражных системах, основанные в XII в. и прекратившие существование во второй половине XIII – XIV в.

Третья группа объединяет предметы христианского культа, появившиеся во второй половине XIII – XIV в. и остававшиеся в обиходе в XV в. Это различные варианты крестов с ромбическим средокрестием и криновидным завершением ветвей (Рис. 3: 25), кресты с остроконечными ветвями, украшенные желтой эмалью (Рис. 3: 24), кресты с копьевидными ветвями, простые и с соединенными дугами (Рис. 3: 26, 27), прямоугольные иконки из свинцово-

оловянистых сплавов [Макаров, Зайцева, 2018; Шполянский, с. 207–209]. Предложенная группировка не учитывает нюансов датировки отдельных типов и вариантов крестов и энколпионов и возможности их пережиточного бытования, но позволяет в общем виде оценить распространение христианских предметов в различные периоды.

В суздальской коллекции лишь 27 христианских предметов, атрибутированных как артефакты второй половины XIII – XV в. Они найдены на 9 селищах и в Суздале: в Кремле, в Окольном городе и на участках за валами. Находки из города (11 предметов) составляют более трети этой группы. Немногочисленность находок может быть отчасти связана с тем, что значительное число селищ этого времени находится на территории ныне существующих сел и оказалась в меньшей степени затронута разведками с использованием металлодетектора. Весьма вероятно также, что период XIII–XIV в. был временем широкого бытования каменных крестов, хронология которых не детализирована. Как бы то ни было, обращение к суздальской коллекции выявляет радикальное сокращение количества христианской металлопластики в центре Суздальской земли во второй половине XIII – XIV в., диссонирующее с широким ее распространением в этот период на поселениях Москворецкого бассейна (см., например, Настасьино [Средневековое поселение Настасьино, рис. 93], Романов двор в Москве [Кренке, рис. 76: 1–3]). Выход из обихода стандартных типов крестов и энколпионов, сложившихся в XII в., не сопровождался здесь замещением их численно сопоставимой металлопластикой, отражающей религиозные веяния и художественные вкусы второй половины XIII – XIV в.

Для понимания характера бытования христианских предметов на сельских поселениях и возможной связи их с элитой, духовенством и рядовыми сельскими жителями рассмотрим наборы артефактов, происходящие с отдельных памятников, сочетания различных категорий и типов и планиграфию находок.

На 15 селищах находки христианской пластики насчитывают более 4 предметов. В составе 14 из этих коллекций присутствуют различные категории христианских предметов: кресты и энколпионы (на 6 памятниках), энколпионы и образки (на 6 памятниках), кресты, иконка и змеевик (на одном селище), кресты, энколпион, иконка и змеевик (на одном селище). На двух селищах (Кистыш 3, Семеновское 3) эти наборы, наряду с обычными предметами, включают образки, выделяющиеся высоким художественным качеством. Анализ планиграфического распределения христианских предметов не выявляет их локализации на каких-то отдельных обособленных участках с особым составом находок. Они присутствуют на значительных площадях, преимущественно на участках, где отмечена концентрация бытовых предметов и украшений, но нередко и за их пределами. На некоторых селищах (Михали 3, Михали 4, Семеновское 3, Мордыш) прослеживаются скопления из 2–5 находок. Находки энколпионов и образков топографически не отделяются от находок крестов-подвесок, они присутствуют в одних и тех же скоплениях. Стоит отметить, что некоторые предметы христианской пластики, в том числе энколпионы, найдены на окраине поселений, за пределами участков, занятых усадьбами. Планиграфическое распределение христианских предметов в целом повторяет распределение на поселениях других категорий находок: украшений, деталей костюма и бытовых вещей. Основываясь на этих наблюдениях, можно заключить, что кресты, энколпионы и образки бытовали в одной среде. Владельцы предметов различных категорий не были обособленными социальными группами.

Наряде селищ предметы христианского культа XII – первой половины XIII в. представлены в коллекциях, включающих находки печатей, пломб, стилей для письма, книжных застёжек, предметов вооружения и конского снаряжения с инкрустацией медью и серебром, амфорной керамики. Селищ с таким сочетанием находок всего 21, они составляют 80 % памятников с вещами, маркирующими «усадьбы знати». В составе 9 подобных комплексов собраны

серии, насчитывающие более 5 предметов личного благочестия. Использование предметов христианского культа, безусловно, характеризует верования и стиль жизни жителей поселений с «усадебными знати». Однако нет оснований полагать, что они связаны исключительно с этой группой поселений. Среди памятников XII – первой половины XIII в. выделяется значительная группа селищ с представительными коллекциями обычного состава, в которых присутствуют кресты и энколпионы.

Выводы

Христианская пластика, прежде всего кресты-тельники, но также и энколпионы, получила в XII – первой половине XIII в. массовое распространение в центральных районах Северо-Восточной Руси, сопоставимое с распространенностью наиболее популярных категорий украшений костюма, производившихся большими сериями. В течение полутора столетий они были важнейшими средствами демонстрации христианской идентичности. Обычай носить кресты-тельники, энколпионы и образки в этот период был воспринят широкими слоями населения, разными социальными группами – от элиты до простолюдинов. Основную часть владельцев христианской металлопластики, собранной на памятниках центра Суздальской земли (в том числе энколпионов), составляли светские лица. Выделить среди рассмотренных материалов специфические типы и категории, находившиеся в обиходе духовных лиц, не удастся. Находки энколпионов и образков на селищах вместе с предметами вооружения и конского снаряжения позволяют предположить, что обладателями части этих предметов могли быть представители младшей дружины, дворяне, усадьбы которых находились на селищах (ср.: [Михайлов, Пескова]). Однако никаких указаний на преимущественную связь этих категорий предметов личного благочестия с воинской средой нет.

Наборы предметов личного благочестия, типологический состав христианских древностей и частота их встречаемости в Суздале и на селищах Суздальской округи близки. Широкое использование христианской металлопластики в XII – первой половине XIII в. в равной мере характеризует религиозную практику и повседневный обиход города и сельских поселений. Различия в отношении к этим предметам и распространении их среди городских и сельских жителей не прослеживаются. Анализ пространственного распределения находок на селищах не выявляет приуроченности их к отдельным участкам, на которых могли располагаться церковные постройки, часовни, места совершения обрядов или усадьбы духовенства. Общий характер топографического распределения крестов и энколпионов соответствует распределению украшений костюма и бытовых вещей, тяготеющих к участкам, занятым дворами сельских жителей.

Хотя кресты и другие предметы личного благочестия домонгольской эпохи по своему характеру и функциям кажутся близкими нательным крестам и образкам Нового и Новейшего времени, в облике и использовании их заметны существенные особенности. Нагрудные кресты домонгольского времени носились поверх одежды и были важными элементами парадного убора [Макаров, 2009, с. 112–113], что несколько не снижает их религиозное значение. Поэтому привычное для нас именование металлических крестов XI–XIII в. «тельниками» не вполне точно. Металлические кресты и энколпионы мало использовались в погребальном костюме, хотя именно находки из погребальных комплексов, прежде всего в Белозерье и в Новгородской земле, дают основание документировать их место в парадном уборе [Макаров, 2009]. Симптоматично полное отсутствие их в погребальных комплексах центра Суздальской земли, исследованных в последние полвека.

Нагрудные кресты XII – первой половины XIII в. характеризуют особое состояние религиозного сознания, в котором крест являлся, прежде всего, символом благодати,

животворящей силы и мирового торжества христианства. Учитывая количество вновь найденных предметов, следует признать, что производство и использование в уборе крестов в этот период было важнейшим способом манифестации христианства в материальной среде, сопоставимым по своему значению с храмовым строительством. Значительное сокращение использования крестов-тельников в центре Северо-Восточной Руси во второй половине XIII – XIV в. и выход из употребления стандартных типов этих предметов, сложившихся в конце XI – первой половине XII в., невозможно объяснить одним лишь разгромом мастерских, в которых производилась христианская металлопластика. Это явление – свидетельство серьезных перемен в репрезентации христианства, за которыми просматриваются определенные изменения религиозного сознания и общественного настроения во второй половине XIII в.

Недостаток сводных работ по христианским предметам средневековой Руси, Балкан и Восточного Средиземноморья сегодня не позволяет дать точный ответ о степени распространенности подвесок-крестов в различных областях восточнохристианского мира. По имеющимся публикациям [Staecker; Carver; *The Cross goes North*; *Byzantine Small Finds*; *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe*; Cleymans, Talloen] складывается впечатление, что на Руси эти предметы представлены в большем количестве, чем в Скандинавии и на территории Византии. Северо-Восточная Болгария – единственный пока регион, где документирована столь же высокая концентрация этих находок, как и в древнерусских землях [Дончева-Петкова, с. 269–271]. Очевидно, что численность находок культовой пластики в той или иной области сама по себе не может рассматриваться как показатель ее статуса в иерархии религиозных центров и прочности позиций христианства. Тем не менее, с появлением новых находок предметов личного благочестия центр Суздальской земли открывается перед нами как один из значимых очагов христианской традиции XII–XIII в., доминировавший на северо-восточной периферии христианской ойкумены. Наблюдения над хронологическим распределением и особенностями бытования христианской пластики в Суздальской земле в значительной степени отражают общие закономерности ее бытования на Руси.

Рис. 1. Археологические памятники с находками предметов христианского почитания XI—XV в. в центре Суздальской земли.

А — с находками 1 предмета; Б — с находками 2–4 предметов; В — с находками 5–14 предметов; Г — с находками 15–65 предметов.

- 1 — Большое Давыдовское 2; 2 — Васильково 1; 3 — Васильково 4; 4 — Веска 1; 5 — Веска 2; 6 — Весь 1; 7 — Вишенки 3; 8 — Вишенки 6; 9 — Волостиново 2; 10 — Вышеславское 11; 11 — Вышеславское 3; 12 — Вышеславское 4; 13 — Вышеславское 5; 14 — Глебовское 1; 15 — Гнездилово 2; 16 — Гнездилово 11; 17 — Григорьево 1; 18 — Григорьево 2; 19 — Григорьево 3; 20 — Добрыньское; 21 — Карельская Слобода 4; 22 — Карельская Слобода 5; 23 — Кибол 5; 24 — Кибол 11; 25 — Кидекша; 26 — Кистыши 3; 27 — Кубаево 7; 28 — Мухоморы 3; 29 — Мухоморы 4; 30 — Мордвы 1; 31 — Осановец 1; 32 — Павловское 2; 33 — Пария 3; 34 — Поганое озеро 1; 35 — Подолец 1; 36 — Семеновское 2; 37 — Скомоново 2; 38 — Скорородумка 6; 39 — Сорогузино 2; 40 — Сорогузино 4; 41 — Спасское городище 6; 42 — Спасское городище 7; 43 — Спасское городище 1; 44 — Суворотское 8; 45 — Суворотское 9; 46 — Сунгирь; 47 — Тарбаево 5; 48 — Тарбаево 6; 49 — Торки 4; 50 — Улово 1; 51 — Федосьино 1; 52 — Черниж 2; 53 — Черниж 3; 54 — Шекиново 2; 55 — Шекиново 9; 56 — Тарбаево, местонахождение; 57 — Семейское; 58 — Мстиславль; 59 — Суздаль; 60 — Весь, могильник; 61 — Кубаево, могильник; 62 — Красносельские панки, могильник.

Рис. 2. Археологические памятники с находками предметов христианского почитания XI – первой половины XIII в. в центре Суздальской земли.

А – памятники с находками крестов-теглышков; В – памятники с находками энколпионов или образов; В – последние с находками нескольких категорий предметов христианского почитания (крестов-теглышков и энколпионов, крестов-теглышков и образов, крестов-теглышков, энколпионов и образов).

- 1 – Большое Давыдовское 2; 2 – Васильково 1; 3 – Васильково 4; 4 – Веска 1; 5 – Веска 2; 6 – Веси 1; 7 – Вишенки 3; 8 – Вишенки 6; 9 – Волостиново 2; 10 – Вышеславское 11; 11 – Вышеславское 3; 12 – Вышеславское 4; 13 – Вышеславское 5; 14 – Гнездилово 1; 15 – Гнездилово 2; 16 – Григорьево 1; 17 – Григорьево 2; 18 – Григорьево 3; 19 – Добрыньское; 20 – Карельская Слобода 4; 21 – Карельская Слобода 5; 22 – Кибола 5; 23 – Кибола 11; 24 – Кидекши; 25 – Кистыш 3; 26 – Кубаево 7; 27 – Михаил 3; 28 – Михаил 4; 29 – Мордыш 1; 30 – Осанец 1; 31 – Павловское 2; 32 – Парша 3; 33 – Позаное озеро 1; 34 – Подольск 1; 35 – Семеновское 2; 36 – Скомо 2; 37 – Скоробужка 6; 38 – Соросужино 2; 39 – Спасское городище 6; 40 – Спасское городище 7; 41 – Суворовское 1; 42 – Суворовское 8; 43 – Суворовское 9; 44 – Сунар; 45 – Тарбаево 5; 46 – Тарбаево 6; 47 – Торки 4; 48 – Уново 1; 49 – Федосино 1; 50 – Черниж 2; 51 – Черниж 3; 52 – Шекшино 2; 53 – Шекшино 9; 54 – Семинское; 55 – Мстислав; 56 – Суздаль; 57 – Веси, могильник; 58 – Кубаево, могильник; 59 – Красносельские панки, могильник.

Рис. 3. Кресты-тельники XI—XV в. из сборов и раскопок на селищах Суздальского Ополя.

1 – Кибол 5; 2, 4, 8 – Шекишово 2; 3 – Вышеславское 5; 5 – Большое Давыдовское 2; 6 – Крапивье 6; 7, 23, 25, 26 – Михали 3; 9, 10 – Гнездилово 2; 11, 18, 19 – Михали 4; 12 – Парша 3; 13 – Суворотское 9; 14 – Григорово 3; 15 – Карельская Слободка 4; 16 – Григорово 2; 17 – Вышеславское 1; 20 – Суворотское 1; 21 – Сорогужино 2; 22 – Суворотское 8; 24 – Кистьи 3; 27 – Кибол 11.

1–13, 15–22, 24–27 – цветной металл, 14 – камень, золото, 23 – серебро.

Рисунки А. С. Дементьевой.

Рис. 4. Бронзовые энколтионы XI–XIII в. из сборов и раскопок на селищах Суздальского Ополя.

1 – Федосьино 1; 2 – Поганое озеро 1; 3 – Григорово 2; 4 – Михали 3; 5 – Кибол 11; 6 – Михали 3; 7 – Сорогузино 2; 8 – Черниж 2; 9 – Карельская Слободка 5; 10 – Кистьи 3.

Рисунки А. С. Дементьевой

Литература

- Дончева-Петкова Л. Средневековни кръстове-энколпионы от България (IX—XIV в.). София, 2011. 734 с.
- Зайцева И. Е., Грешиников Э. А., Велигжанин А. А., Пахунов А. А., Дороватовский П. В., Колобылина Н. Н., Подурец К. М., Коваленко Е. С., Мурашев М. М., Глазков В. П., Яцишина Е. Б. О «зеленой черни» в декоре древнерусских крестов-энколпионов из находок в Суздальском Ополье // Российская археология. 2019. № 3. С. 50–61. <http://doi.org/10.31857/S086960630005670-6>
- Коваленко Е. С., Подурец К. М., Грешиников Э. А., Зайцева И. Е., Агафонов С. С., Колобылина Н. Н., Калоян А. А., Говор Л. И., Куркин В. А., Яцишина Е. Б. Исследование древнерусского бронзового креста-энколпиона с помощью комплекса неразрушающих методов // Кристаллография. 2019. Т. 64, № 5. С. 826–831. <http://doi.org/10.1134/S0023476119050114>
- Кокорина Н. А. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир, 2013. 76 с.
- Кренке Н. А. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М., 2009. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). 521 с.
- Крест // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38. С. 540–558.
- Леонтьев А. Е. Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 45–52.
- Макаров Н. А. Язычество и христианство // Археология севернорусской деревни. М., 2009. Т. 3. С. 106–115.
- Макаров Н. А. Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2018. С. 317–327.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты-энколпионы с чернью из Суздальского Ополья // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Сборник научных статей. Барнаул, 2017. Т. 2. С. 193–197.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIV вв.: новые находки // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Е. А. Рыбиной. М.; Великий Новгород, 2018. С. 119–130.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Иконка с изображением св. Нестора Солунского из Суздальского Ополья // Российская археология. 2019. № 4. С. 167–176.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополья: новые находки // Археологические вести. СПб., 2020. Вып. 26 (в печати).
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Грешиников Э. А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополье // Археологические вести. СПб., 2017. Вып. 23. С. 291–310.
- Макаров Н. А., Грешиников Э. А., Зайцева И. Е., Подурец К. М., Коваленко Е. С., Мурашев М. М. Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 25–45. <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.258.25-45>
- Михайлов К. А., Пескова А. А. «Витязь у ворот», или Реконструкция воинского комплекса из раскопок Большого Шепетовского городища // STRATUM plus. 2019. № 5. С. 77–92.
- Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. (Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. 5). 269 с.
- Олейников О. М. Нателные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // Звучат лишь письма. К юбилею А. А. Медынцева. М., 2019. С. 323–351.
- Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К. Нателные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI – начала XII вв. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 467–474.
- Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981. 196 с.
- Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. 235 с.
- Смирнов А. П. Выносной чеканный крест греческой работы XI–XII вв. // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 27–40.
- Средневековое поселение Настасьино. М., 2004. (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 2). 290 с.
- Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. 217 с.
- Шполянский С. В. Датированные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополья (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 199–212.
- Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts / Eds. B. Böhlendorf-Arslan, A. Ricci. Istanbul, 2012. (BYZAS 15). 491 p.

Carver M. Northern Europeans Negotiate their Future // *The Cross goes North. Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300* / Ed. M. Carver. York, 2003. P. 3–14.
Cleymans S., Talloen P. Protection in Life and Death: Pendant Crosses from the Cemetery of Apollo Klarios at Sagalassos, Turkey // *European Journal of Archaeology*. 2017. September. P. 1–19.
Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence / Ed. Maciej Salamon, Marcin Woloszyn, Alexander Musin, Perica Spehac. Leipzig, 2013. Vol. 1. 775 p., Vol. 2. 711 p.
Staecker J. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission Altdänemark und Schweden. Stockholm, 1999. 621 s.
The Cross goes North. Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300 / Ed. M. Carver York, 2003. 588 p.

References

- Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts / Eds. B. Böhlendorf-Arslan, A. Ricci. Istanbul, 2012. (BYZAS 15). 491 pp.
- Carver, M. Northern Europeans Negotiate their Future. In *The Cross goes North. Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300* / Ed. M. Carver. York, 2003. Pp. 3–14.
- Cleymans, S., Talloen, P. Protection in Life and Death: Pendant Crosses from the Cemetery of Apollo Klarios at Sagalassos, Turkey. In *European Journal of Archaeology*. 2017. September. Pp. 1–19.
- Doncheva-Petkova, L. Srednevekovni kr'stove-enkolpioni ot B'lgariya (IX–XIV v.) [Medieval Encolpion Crosses from Bulgaria (9th – 14th Centuries)]. Sofia, 2011. 734 pp.
- Kokorina, N. A. Nagrudnye kresty drevnerusskogo vremeni iz arkheologicheskikh kollektsii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika. Katalog [Chest Crosses of Ancient Russian Times from the Archaeological Collections of the Vladimir-Suzdal Museum-reserve. Catalog]. Vladimir, 2013. 76 pp.
- Krenke, N. A. Arkheologiya Romanova dvora: predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vekakh [Romanov Dvor Archeology: Prehistory and History of the Center of Moscow in the 12th – 19th Centuries]. Moscow, 2009. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy. Vol. 12). 521 pp.
- Krest [Cross]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2015. Vol. 38. Pp. 540–558.
- Kovalenko, E. S., Podurets, K. M., Greshnikov, E. A., Zaytseva, I. E., Agafonov, S. S., Kolobylyina, N. N., Kaloyan, A. A., Govor, L. I., Kurkin, V. A., Yatsishina, E. B. Issledovanie drevnerusskogo bronzovogo kresta-enkolpiona s pomoshch'yu kompleksa nerazrushayushchikh metodov [Research of the Ancient Russian Bronze Encolpion Cross Using a Complex of non-Destructive Methods]. In *Kristallografiya*. 2019. Vol. 64, No. 5. Pp. 826–831. <http://doi.org/10.1134/S0023476119050114>
- Leont'ev, A. E. Arkheologicheskie dannye k istorii Rostovskoi eparkhii [Archaeological Data on the History of the Rostov Diocese]. In *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi. Arkheologiya, istoriya, kul'tura. K 60-letiyu N. A. Makarova*. Moscow; Vologda, 2015. Pp. 45–52.
- Makarov, N. A. Yazychestvo i khristianstvo [Paganism and Christianity]. In *Arkheologiya severnorusskoi derevni*. Moscow, 2009. Vol. 3. Pp. 106–115.
- Makarov, N. A. Drevneishie predmety khristianskoi kul'tovoi plastiki iz tsentral'nykh raionov Severo-Vostochnoi Rusi [The Oldest Objects of Christian Cult Plastics from the Central Regions of North-Eastern Russia]. In *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileinyi sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko*. Moscow; Saint Petersburg, 2018. Pp. 317–327.
- Makarov, N. A., Zaytseva, I. E. Kresty-enkolpiony s chern'yu iz Suzdal'skogo Opol'ya [Niello Encolpion Crosses from the Suzdal Opolye]. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurikhe. Sbornik nauchnykh statei*. Barnaul, 2017. Vol. 2. Pp. 193–197.
- Makarov, N. A., Zaytseva, I. E. Khristianskaya metalloplastika Suzdal'skoi zemli XII–XIV vv.: novye nakhodki [Christian Metalplastics of the Suzdal Land of the 12th – 14th Centuries: New Findings]. In *Neskonchaemoe leto. Sbornik statei v chest' E. A. Rybinoi*. Moscow; Veliky Novgorod, 2018. Pp. 119–130.
- Makarov, N. A., Zaytseva, I. E. Ikonka s izobrazheniem sv. Nestora Solunskogo iz Suzdal'skogo Opol'ya [Icon with the Image of St. Nestor of Thessalonica from the Suzdal Opolye]. In *Rossiiskaya arkheologiya*. 2019. No. 4. Pp. 167–176.
- Makarov, N. A., Zaytseva, I. E. Kresty "skandinavskogo tipa" na pamyatnikakh Suzdal'skogo Opol'ya: novye nakhodki [Crosses of the "Scandinavian Type" on the monuments of the Suzdal Opolye: New Findings]. In *Arkheologicheskie vesti*. Saint Petersburg, 2020. Issue 26 (in print).
- Makarov, N. A., Zaytseva, I. E., Greshnikov, E. A. Chernevy kresty-enkolpiony v Suzdal'skom Opol'e [Niello Encolpion Crosses in the Suzdal Opolye]. In *Arkheologicheskie vesti*. Saint Petersburg, 2017. Issue 23. Pp. 291–310.
- Makarov, N. A., Greshnikov, E. A., Zaytseva, I. E., Podurets, K. M., Kovalenko, E. S., Murashev, M. M. Nevidimye svyatyni. Vlozheniya v srednevekovykh krestakh-enkolpionakh po dannym kompleksnykh analiticheskikh issledovaniy [Invisible Shrines. Insertions in Medieval Encolpion Crosses according to Data of Complex Analytical Studies]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2020. Issue 258. Pp. 25–45. <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.258.25-45>

- Mikhailov, K. A., Peskova, A. A. "Vityaz' u vorot", ili Rekonstruktsiya voinskogo kompleksa iz raskopok Bol'shogo Shepetovskogo gorodishcha ["Knight at the Gate", or Reconstruction of the Military Complex from the Excavations of the Great Shepetovsky Settlement]. In *STRATUM plus*. 2019. No. 5. Pp. 77–92.
- Musin, A. E. Khristianizatsiya Novgorodskoi zemli. Pogrebal'nyi obryad i khristianskie drevnosti [Christianization of the Novgorod Land. Funeral Rites and Christian Antiquities]. Saint Petersburg, 2002. (Trudy Instituta istorii material'noi kul'tury RAN. Vol. 5). 269 pp.
- Oleinikov, O. M. Natel'nye kresty Desyatinnogo-1 raskopa v Novgorode [Body Crosses of the Desyatinni-1 Excavation Site in Novgorod]. In *Zvuchat lish' pis'mena. K yubileyu A. A. Medyntsevoi*. Moscow, 2019. Pp. 323–351.
- Pokrovskaya, L. V., Stepanov, A. M., Singkh, V. K. Natel'nye kresty, krestovidnye i krestovklyuchennye priveski XI – nachala XII vv. (po materialam Troitskikh XIII i XIV raskopov) [Body Crosses, Cross-shaped and Cross-connected Pendants of the 11th – early 12th Centuries (based on the Materials of the Trinity XIII and XIV Excavation Sites)]. In *V kamne i v bronze. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi*. Saint Petersburg, 2017. Pp. 467–474.
- Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence / Ed. Maciej Salamon, Marcin Woloszyn, Alexander Musin, Perica Spehac. Leipzig, 2013. Vol. 1. 775 pp., Vol. 2. 711 pp.
- Sedova, M. V. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda [Jewelry of Ancient Novgorod]. Moscow, 1981. 196 pp.
- Sedova, M. V. Suzdal' v X–XV vekakh [Suzdal in the 10th – 15th Centuries]. Moscow, 1997. 235 pp.
- Shpolyanskii, S. V. Datiruyushchie nakhodki vtoroi poloviny XIII – pervoi poloviny XV v. iz Suzdalya i selishch Suzdal'skogo Opol'ya (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy poslednikh let) [Dating Finds of the Second Half of the 13th – First Half of the 15th Century from Suzdal and Settlements of the Suzdal Opolye (based on the Materials of Archaeological Research in Recent Years)]. In *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi. Arkheologiya, istoriya, kul'tura. K 60-letiyu N. A. Makarova*. Moscow; Vologda, 2015. Pp. 199–212.
- Smirnov, A. P. Vynosnoi chekannyi krest grecheskoi raboty XI–XII vv. [Remote Chased Cross of Greek Work of the 11th – 12th Centuries]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svyazi*. Moscow, 1975. Pp. 27–40.
- Srednevekovoe poselenie Nastas'ino [Medieval Settlement of Nastasino]. Moscow, 2004. (Trudy Podmoskovnoi ekspeditsii Instituta arkheologii RAN. Vol. 2). 290 pp.
- Staecker, J. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission Altdänemark und Schweden. Stockholm, 1999. 621 s.
- The Cross goes North. Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300 / Ed. M. Carver. York, 2003. 588 pp.
- Uvarov, A. S. Meryane i ikh byt po kurgannym raskopkam [Meryane and Their Life for Mound Excavations]. Moscow, 1872. 217 pp.
- Zaytseva, I. E., Greshnikov, E. A., Veligzhanin, A. A., Pakhunov, A. A., Dorovatovskii, P. V., Kolobylyna, N. N., Podurets, K. M., Kovalenko, E. S., Murashev, M. M., Glazkov, V. P., Yatsishina, E. B. O "zelenoi cherni" v dekore drevnerusskikh krestov-enkolpionov iz nakhodok v Suzdal'skom Opol'e [About the "Green Niello" in the Decoration of Ancient Russian Encolpion Crosses from Finds in the Suzdal Opolye]. In *Rossiiskaya arkheologiya*. 2019. No. 3. Pp. 50–61. <http://doi.org/10.31857/S086960630005670-6>

Nikolay A. Makarov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina E. Zaytseva

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

CROSS-PENDANTS IN MEDIEVAL SETTLEMENTS:
REPRESENTATION OF CHRISTIANITY IN THE SUZDAL' LAND
IN THE 11th – 15th CENTURIES

The article presents an overview of medieval Cristian objects of personal devotion from the archaeological sites of Suzdal' Opolie region and discusses their distribution at the sites, chronology, use in religious practices and role in the manifestation of Christianity in the pre-Mongol period. The set of the Christian artefacts from Suzdal' Opolie comprises 307 items and includes cross-pendants, encolpia and icon-pendants. The greater part of these artefacts was obtained during the last two decades during surveys and excavations conducted by the Institute of Archaeology of RAS. Christian objects of personal devotion were recorded at 58 sites in the vicinities of Suzdal (19 % of the total amount of sites), most of them – dwelling sites. General distribution of the Christian metalwork of the middle – the second half of the 11th century indicates that its introduction and manufacture was initially connected with large unfortified settlements which constituted a network of local centers. Christian metalwork became widespread and played an important role in manifestation of Christian identity in the 12th – early 13th centuries, but radically decreased in number since the second half of the 13th century. Distribution of various categories of Christian objects at the sites proves that their owners did not constitute discrete social groups and were mostly secular individuals.

Keywords: North-Eastern Rus, Suzdal' Land, Christian artefacts, medieval settlements, cross-pendants, encolpia